

Т. Громова

Иван Александрович Гончаров

Биографический очерк

Имя Ивана Александровича Гончарова стоит в отечественной литературе рядом с именами Гоголя и Тургенева, Толстого и Достоевского. Он стал в этот ряд и получил признание как истинный классик русской словесности уже при жизни — в сознании современников. Всего через пять лет после его смерти поэт и критик Иннокентий Анненский писал: «Имя Гончарова цитируется на каждом шагу, как одно из четырех-пяти классических имен, вместе с массой отрывков оно перешло в хрестоматии и учебники; указания на литературный такт и вкус Гончарова, на целомудрие его музы, на его стиль и язык сделались общими местами...». Его романы «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», очерковая книга «Фрегат «Паллада» тоже заняли с тех пор почетное место на золотой полке русской классики. Перефразируя слова Гончарова о комедии Грибоедова, можно с уверенностью сказать, что его собственные творения «все живут своею нетленной жизнью, переживут и еще много эпох и все не утратят своей жизненности».

Иван Александрович Гончаров пришел в литературу зрелым человеком и сразу же предстал перед читателями тоже вполне сложившимся зрелым мастером. Ему было тридцать пять лет, когда появился в печати его первый роман — «Обыкновенная история» (1847), и этот первый роман был шедевром. (Ранние литературные опыты Гончарова опубликованы позже.) Очень мало знаем мы о его детстве и отрочестве, о становлении его личности. Но зато все то небольшое, что нам известно об этом, мы знаем от самого Гончарова, на склоне жизни рассказавшего о себе в очерках «На родине», «В университете» и «Слуги старого века». А это — в данном случае надежный источник. Как и письма к друзьям, литературно-критические статьи.

Иван Александрович Гончаров родился в Симбирске, в старинной купеческой семье. «[Июнь 1812] 6 — рожд., крещ. 11. У Симбирского купца Александра Иванова Гончарова — сын Иван. Восприемник надворный советник Николай Николаевич Трегубов. Молитвовал и крестил приходской священник Михаил Бадеряковский...» — такая запись сохранилась в книге симбирской Вознесенской церкви. Отец Гончарова, как вспоминает Г. Потанин, «пользовался почетом в городе: его много раз избирали городским головой». Он был на тридцать лет старше своей жены и умер, когда его сыну Ивану пошел восьмой год. Растить и воспитывать детей — двух сыновей и двух дочерей — помогал вдове друг ее мужа — Н. Трегубов, о котором позже с большой теплотой вспоминал писатель. О матери своей — Авдотье Матвеевне. Гончаров отзывался тоже всегда с искренним уважением и любовью, называл ее «умнейшей женщиной».

Атмосфера детства Ивана Александровича в какой-то степени воссоздана в «Обломове». Об этой же поре своей жизни, о быте и нравах провинциального города, каким был Симбирск в то время, о нравственном застое, царившем здесь в годы его юности, писатель рассказал в очерке «На родине». Это было время после 14 декабря 1825 года, когда участь декабристов вызвала страх и подавленность во многих слоях русского общества.

Отшатнувшись от высоких общественных идеалов, многие даже и лучшие его представители занялись устройством житейских дел и выгод. Об обстановке тех лет Гончаров писал С. Никитенко — дочери своего сослуживца и друга А.В. Никитенко: «Вы представить не можете обломовское воспитание, тучу предрассудков, всеобщее растление понятий и нравов, среди которого мы выросли и воспитывались и из которого

как из летаргического сна только просыпается наше общество; если бы Вы могли представить всю грубость и грязь, которая таится в глубинах наших обломовок, потом в недрах казенных и частных училищ, потом в пустоте и разврате общественной жизни, где мелкое тщеславие заменяло всякие разумные стремления, за отсутствием их, где молодой человек задумывался над вопросом, что ему делать, или не задумывался, пил, ел, волочился, одевался франтом, потом женился и потом направлял своих детей по тому же пути, уча служить (то есть занимать выгодные места и брать чин) и наслаждаться — в ущерб чести, нравственности и тому подобное». Это честное признание Гончарова приоткрывает завесу над его юностью и в какой-то мере позволяет представить себе, какой путь нравственного развития сумел он пройти, чтобы вырваться из круга жизни, обусловленного не только обломовским бытом провинции, но и всем общественным состоянием дореформенной России.

Огромную роль сыграл в жизни писателя Московский университет, куда Гончаров поступил в 1831. Университет привил ему широту взгляда, вооружил обширными познаниями, впервые пробудил интерес к литературной деятельности (В № 15 за 1832 год журнала «Телескоп» Гончаров опубликовал перевод двух глав из романа Эжена Сю «Атар-Гюль».) Гончаров очень ценил годы, проведенные на историко-филологическом факультете, где «новые тогда профессора Шевырев, Надеждин и Давыдов производили огромное влияние на студентов, один — лекциями истории русской литературы (Давыдов), Надеждин — теорией изящных искусств и археологии, и Шевырев — истории древних и западных литератур. Кроме того, сверх программы Давыдов и Надеждин делали очерк истории философии вообще — и философии в искусстве (Надеждин). Лекции эти были благотворны для слушателей по новости, смелости идей, они сближали науку и искусство с жизнью, изломали рутину, прогнали схоластику и освежили умы слушателей — внесли здравый критический взгляд на литературу. Кроме того, производили и другое нравственное влияние, ставя идеалы добра, правды, красоты, совершенствования, прогресса и т. д. Все это совпало с возникавшею и в тогдашней современной литературе жизнью, внесенною, после застоя, Пушкиным и его плеядою, критическим переворотом — после старой риторической школы, в журналистике тем же Надеждиным, Полевым и т. д.».

У Гончарова в эти годы обширнейший круг чтения: от Гомера, Вергилия, Тацита, Данте до Шекспира и Вальтера Скотта. Но «живее и глубже всех поэтов поражен и увлечен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору сил и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда.

После окончания университета Иван Александрович ненадолго возвращается на родину, где служит секретарем у симбирского губернатора А. Загряжского. О том, что дала ему эта служба, с немалой долей самоиронии Гончаров рассказывает в очерке «На родине». И вскоре он отправляется в Петербург, чтобы найти более достойное применение своим силам.

О первых годах жизни Гончарова в столице тоже известно очень мало. Мы знаем лишь, что он был зачислен в Министерство финансов переводчиком. (По окончании университета он знал английский, немецкий и латынь.) Столкновение юноши, полного благих порывов, и официального Петербурга, вчерашнего студента-романтика и чиновной столицы — как пережил это Гончаров, как отложилось это в его личном опыте? Об этом мы можем догадываться, читая страницы «Обыкновенной истории». Ведь Гончаров всегда говорил, что он может писать лишь о том, что сам пережил и что «прирастало» к его жизни. Можно думать поэтому, что оба героя романа вобрали и личный опыт писателя и его наблюдения в первые годы службы.

Но в Петербурге у Гончарова было и тепло дружеского дома, и возможность общения с людьми, чьи духовные запросы были близки его собственным. Родовитый дворянин, участник войны 1812 года, академик живописи, Николай Аполлонович Майков пригласил Ивана Александровича преподавать российскую словесность, этику и латынь

одному из своих сыновей — Валериану, будущему критику и публицисту. Гончаров очень скоро стал в доме своим человеком. Н. Майков, выйдя в отставку, целиком отдался занятиям живописью, и его по-московски хлебосольный дом (Майковы, как и Гончаров, жили в Петербурге первый год) превратился в своего рода художественно-литературный салон, привлекавший писателей, художников, журналистов, талантливую молодежь. Здесь бывали основатель «Отечественных записок» П. Свиньин, супруги М.А. и Е.А. Языковы, позже — Ф. Достоевский, Н. Некрасов, И. Тургенев, Я. Полонский, И. Панаев, Д. Григорович. Вот в этом-то домашнем артистическом кругу Гончаров и обнаружил впервые свою художественную одаренность, показав себя замечательным рассказчиком. Кроме того, как бы продолжая свою роль учителя, он принял участие в выпуске домашнего литературного журнала «Подснежник», в котором стал вскоре и сам усердно сотрудничать. Не эти ли занятия и пробудили в нем потребность попробовать себя на писательском пути более серьезно?..

Первое упоминание «Обыкновенной истории» относится к 1844. Сохранилось воспоминание петербургского журналиста А. Старчевского о чтении не оконченного еще романа в семье Майковых — уже в 1845. Когда роман был завершён, Гончаров, вспоминая Панаев, попросил М. Языкова, зная его близкие отношения с Белинским, передать критику рукопись романа, предварительно просмотрев ее и решив — стоит ли передавать. Языков полистал рукопись, по каким-то причинам она ему не понравилась, и он забыл о ней — по одним свидетельствам на год, по другим — на более короткий срок. Гончаров и сам как будто забыл про роман — во всяком случае, Языкову о нем не напоминал. Наконец Языков вспомнил как-то про рукопись и передал ее Некрасову, прибавив при этом: «Кажется плоховато, не стоит печатать!» Но Некрасов сразу увидел, что в руках у него произведение незаурядное. И сам передал его Белинскому.

Так состоялась эта счастливая встреча. Законодатель тогдашних литературных вкусов, Белинский был в восторге «от нового таланта», проявившего себя так «блистательно», благословил вступление Гончарова в литературу. Писатель вспоминал впоследствии: «...Белинский, месяца три по прочтении, при всяком свидании осыпал меня горячими похвалами, пророчил мне много хорошего в будущем, говорил всем о нем, так что задолго до печати о романе знали все — не только в литературных петербургских и московских кружках, но и в публике». Белинский проницательно определил и характер дарования молодого писателя, хотя, пожалуй, в формулировках своих и бывал порой излишне категоричен: «Он — поэт, художник, и больше ничего». «Вам все равно, попадетесь мерзавец, урод или порядочная, добрая натура, — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому! — вспоминал Гончаров впоследствии. — И это скажет (и не раз говорил) с какою-то доброю злостью, а однажды положил ласково после этого мне руки на плечи и прибавил почти шепотом — “А это и хорошо, это и нужно, это признак художника”. Белинскому, человеку страстному и увлекающемуся было, видимо, особенно дорого именно это качество писателя, самому критику несвойственное. Гончаров на всю жизнь сохранил благодарное чувство к Белинскому, охотно ссылаясь на оценки великого критика, находил в них опору для отстаивания собственных художественных принципов. И не случайно именно перу Гончарова принадлежит один из лучших в русской литературе очерков о Белинском, где страстная, горячая натура «неистового Виссариона», масштаб его личности, его рыцарская приверженность и верность российской словесности раскрыты полно и широко.

«Обыкновенная история» была напечатана в трех номерах «Современника» за 1847 год, и уже 17 марта Белинский писал Боткину: «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор — успех неслыханный! Все мнения слились в ее пользу...».

Так родился новый русский писатель — И.А. Гончаров. Писатель, который на склоне лет сказал о себе так: «...Я откровенно люблю литературу, и если бывал счастлив в жизни, так это своим призванием...».

Сюжет «Обыкновенной истории» прост. Романтически настроенный, полный высоких замыслов, довольно, правда, расплывчатых, молодой помещик Александр Адуев покидает родовое поместье, чтобы найти в столице достойное поприще. Здесь он встречается дядю — Адуева-старшего — воплощение рассудка, трезвости и деловитости. Происходит столкновение юноши-романтика с прозой жизни, юной избыточно-нерасчетливой в своей доброте души с иронией человека зрелого, знающего «почем фунт лиха». Извечный конфликт, через который проходят так или иначе многие. Проходит через него и молодой Адуев. И тоже — как многие — не выдерживает проверки жизнью. Он капитулирует перед ее будничной пошлостью, отказывается от своих былых романтических представлений о деле, о долге, о любви и дружбе. И безоговорочно принимает жизненную философию дяди. Но любопытно, что принимает именно в тот момент, когда для самого дяди она оказывается уже не столь бесспорной... Такая вот обыкновенная история.

Вспомним Пушкина: «В лучшее время жизни, сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души». Пушкин говорит здесь о самой глубинной, общечеловеческой сути того конфликта, через который проходит и молодой Адуев. Но каждый раз этот конфликт приобретает и специфическую социальную окраску, обусловленную временем. Поэтому неудивительно, что современная Гончарову литературная критика, воспринимавшая «Обыкновенную историю» в контексте общественно-литературной борьбы тех лет, менее всего обратила внимание на общечеловеческую сторону романа. Роман хвалили, но каждый, как говорится, за свое. Белинский, прощавшийся в ту пору с последними остатками своих недавних романтических иллюзий, приветствовал развенчание романтизма. Критик писал об Адуеве-младшем: «Говорят, тип молодого Адуева — устарелый; говорят, что такие характеры уже не существуют на Руси. Нет, не перевелись и не переведутся никогда такие характеры <...> Родоначальник их на Руси — Владимир Ленский, по прямой линии происходящий от гетевского Вертера. Пушкин первый заметил существование в нашем обществе таких натур и указал на них». Но, увлекшись типом Адуева-старшего, пленившего его тем, что он — не романтик и «честен, благороден, не лицемер, не притворщик, на него можно положиться», Белинский недооценил в нем то, что заметил зоркий художник — Гончаров, почувствовавший в деловитости старшего Адуева жесткое дыхание нарождавшегося в России капитализма. Грустный финал жизни Адуева-старшего был предупреждением. А бездуховность буржуазной деловитости позднее получила свое развенчание в образе Штольца.

Критики, склонные к более романтическому восприятию жизни и литературы, ополчились на Гончарова именно за его трезвость и осмеяние романтизма Адуева-младшего, порою отождествляя при этом автора с Адуевым-старшим, приписывая Гончарову воззрения его героя. Аполлон Григорьев писал: «...и любовь, и мечтательность, и вообще все то, что мешает нашей жизни сделаться машиною, осмеяно очень искусно».

Гончаров же никого не осмеивает. Более того — ему симпатичен молодой Адуев, в возвышенно-романтических мечтаниях которого Гончаров запечатлел, несомненно, отзвуки собственных юных грез. И разве по духовному контексту романа нельзя предположить, что Гончаров был бы рад, если бы его герой умел отстоять свои, пусть расплывчатые, но все же возвышенные идеалы, противостоящие пошлости жизни. Просто Гончаров видел, что такая задача не по плечу Адуеву-младшему. Родовые Грачи с их всегда готовыми к услугам молодого помещика крепостными давно уже обесмыслили его идеалы и обессилили его волю — ему ли бороться? Его эволюция — одна из моделей поведения обломовца.

Многое симпатично Гончарову и в Адуеве-старшем: его дельность, ироничность. Но в увлечении коммерческой деловитостью, которой отдается Адуев-старший, Гончаров

видит опасность потери той духовности, которая одна создает человека. Без нее неизбежен «трагизм пошлости», к которой и привела фактически эволюция обоих Адуевых.

Гончаров изобразил историю типическую, общечеловеческую, хотя каждое поколение переживает, конечно, «обыкновенную» историю по-своему. Не случайно в разгар спора физиков и лириков отцов и детей 1950-х годов театр «Современник» поставил именно «Обыкновенную историю». (Адуева-старшего играл М. Козаков, Адуева-младшего — О. Табаков.) И зрители рукоплескали Ивану Александровичу Гончарову, помогавшему им обдумать свои проблемы в этом специфическом конфликте поколений нашего общества середины XX века.

Нравственные проблемы, поставленные в романе, и сегодня поэтому «учат жить» в том смысле, который заключен в словах Л. Толстого, посылавшего в 1856 году «Обыкновенную историю» своей соседке по Ясной поляне В. Арсеньевой, в которую он был тогда влюблен и которой писал: «Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не соглашаться, но зато свой собственный становится умнее и яснее...».

От своей первой и громкой литературной славы полностью вкусил Иван Александрович и дома, в Симбирске, куда приехал повидаться с маменькой, еще не зная, что эта встреча — последняя. Мемуаристы рассказывают о Гончарове той поры как о человеке, живущем полной и счастливой жизнью. Он наслаждается любовью домашних, с легким юмором уклоняется от пышных чествований земляков, слегка влюбляется, дурачится и шутит, аппетитно ест домашние варенья и соленья...

Еще общество продолжает обсуждать «Обыкновенную историю», а Гончаров задумывает одновременно два новых романа. В октябре 1848 был написан, а в марте 1849 опубликован в «Литературном сборнике с иллюстрациями» (издание «Современника») «Сон Обломова» с подзаголовком «Эпизод из неоконченного романа». Закончен он будет только через десять лет, и все это время будет происходить постоянная работа над ним. На какое-то время писатель отвлечется, правда, на другой роман — «Обрыв». («В 1849 году, на Волге, когда я, после 14-летнего отсутствия, в первый раз посетил Симбирск, свою родину, родился план романа «Обрыв» <...> когда в то же время оканчивался обработкой у меня в голове роман «Обломов», — писал Гончаров позднее. А осенью 1852 он неожиданно отправится в кругосветное путешествие. Это путешествие было предложено первоначально А.Н. Майкову, но тот отказался, и плыть вокруг света на военном паруснике, фрегате «Паллада» (секретарем при начальнике экспедиции адмирале Путятине), решил Гончаров. Этот поступок принца де Ляна, как его нарекли в кружке Майковых, удивил многих друзей и знакомых, привыкших считать его сторонником спокойного и размеренного образа жизни. Но для самого Гончарова его решение вовсе не было случайностью и неожиданностью. «Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, Индии, переплыву океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса <...> Я обновился; все мечты и надежды юности, сама юность воротились ко мне. Скорее, скорее в путь!» — писал впоследствии Гончаров, объясняя свою решимость ехать. Да и что тут объяснять? Разве не зачитывался он в детстве описаниями путешествий замечательного русского исследователя Камчатки С. Крашенинникова, разве не бредил кругосветными путешествиями Кука, разве не впитывал рассказы отставного моряка Трегубова?

Так что за беда, если парусник — не очень надежное средство передвижения, что за беда, если его на каждом шагу поджидают неожиданности, ибо с океаном шутки плохи? Было бы просто нелепо из-за всего этого отказаться от такой уникальной возможности посмотреть весь мир...

Путешествие началось с Англии, где два месяца фрегат стоял на капитальном ремонте. Гончаров четко и определенно сформулировал свою позицию путешественника: «...Мне улыбается завтрашний, будничный день. Мне хотелось путешествовать не официально, не приехать и «осматривать», а жить и смотреть на все, не насилуя своей

наблюдательности... Чем смотреть на сфинксы и обелиски, мне лучше нравится простоять целый час на перекрестке и смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют оторвать друг другу руку, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия; смотреть их походку, или какую-то иноходь и эту важность до комизма на лице...».

Здесь, как и в первом романе, Гончарова интересует повседневная, будничная жизнь, ее лицо, хотя «сфинксы и обелиски» он, конечно, тоже не обходил своим вниманием.

Через шестьдесят лет после Карамзина Гончаров откроет русскому читателю Англию — страну, в которой прочно завоевал позиции энергичный, хищный капитализм. Можно думать, что именно там Гончаров начал внимательно вглядываться в черты своего будущего делового героя — Штольца, почти такого же вездесущего и мобильного, как гонцы английского капитала, которых писатель встречал всюду, куда причаливал фрегат, а причаливал он все дальше и дальше от европейских берегов, и вот уже автор показывает русскому читателю — да так, что после чтения кажется, будто каждый лично там побывал — огромный и неведомый ему мир Востока — роскошного, причудливого, таинственного...

Но, путешествуя «за морями, за долами», Гончаров ни на минуту не расставался с Россией. Он сжился с «маленьким русским миром» — экипажем фрегата. Он наблюдает русского человека в условиях необычных, и это позволяет ему глубже понять его характер. Вестовой Фаддеев, с добрым юмором описанный Гончаровым, потом отзовется в Захаре, слуге Обломова. Хотя во «Фрегате «Паллада» и нет прямых ссылок на то, что Гончаров во время путешествия трудился над «Обломовым», но, видимо, работа все-таки шла и вдали от родины писатель накапливал и выверял нужные ему для романа впечатления...

Любопытно что, даже наблюдая заморскую жизнь, Гончаров меряет ее на русский аршин. Увидел негритьянку — сравнивает ее с русской бабой: «Одета, как наши бабы: на голове платочек, около поясицы что-то вроде юбки, как у сарафана, и сверху рубашка, иногда платок на голове, иногда нет». Увидел воробья — опять сравнивает: да, он «...гораздо наряднее нашего, франт, а сейчас видно, что воробей — как он ни франти. Тот же лет, те же манеры и так же копаются, как наш, во всякой дряни, разбросанной на дороге...».

По мастерству видения, по глубине понимания того, что открывается взгляду путешественника, по какой-то волшебной естественности интонации очерки Гончарова сродни «Путешествию в Арзрум» Пушкина.

Морское путешествие Гончарова длилось два года и завершилось на Дальнем Востоке — на Аяне, откуда до Питера было еще десять тысяч верст. Да и каких десять тысяч — бездорожья, которое порой можно было одолеть только верхом. «Истинное путешествие в старинном смысле слова, подвиг, только с этого времени и начиналось», — писал Гончаров друзьям. Иван Александрович изучает дальние края своего отечества. И как много он открыл здесь для себя и читателя. Он рассказал о замечательных русских людях, осваивающих здешние места в условиях труднейших; людях, которые несут северным народам подлинное просвещение без шума и рекламы, со спокойным сознанием необходимости своего дела. Встречается он и с некоторыми декабристами. Об этом он пишет: «...Я перебивал у всех декабристов: у Волконских, у Трубецких, у Якушкина и других».

По возвращении Гончаров быстро завершает очерки, которые печатаются во многих изданиях: в «Отечественных записках», «Современнике», «Морском сборнике»... Читатели встречают их с неизменным интересом, хвалит и критика — появляются отзывы Некрасова, Дружинина, Добролюбова, Дудышкина. При жизни автора очерки переиздавались шесть раз. Цифра для Гончарова, который обычно чуть ли не препятствовал переизданию своих сочинений, считая, что время их прошло, совершенно

необычная. И объясняется это тем, что именно для очерков о кругосветном путешествии он делал исключение, справедливо полагая, что они могут быть полезны для юношества...

Итак, путешествие завершено, закончены и опубликованы очерки. Друзья, издатели, коллеги-писатели — все теребят, все торопят: «Обломова», «Обломова»... «А романа нет как нет», — признается Гончаров в одном из писем. В это время Ивану Александровичу не до «Обломова» и вообще ни до чего — он переживает сильное безответное чувство к Е.В. Толстой, приятельнице семейства Майковых. «Я болен ею...» — признается Гончаров. И вот этот замечательный, прозорливый и ироничный знаток человеческого сердца оказывается безоружным и бессильным перед неверным женским созданием. Увы. История тоже обыкновенная... Он мечется, страдает, пишет Толстой удивительные письма. На душе тяжело, рука не держит перо.

Но вот в 1857 году Толстая выходит замуж, и И.А. Гончаров берет четырехмесячный отпуск по службе. Он едет в Мариенбад подлечиться, а скорее всего — просто бежит из петербургского одиночества в одиночество мариенбадское... Но тут, в Мариенбаде, с ним вдруг что-то наконец происходит. Начинается безудержная, взхлеб работа над «Обломовым». В одном из писем он сообщает: «...Я приехал сюда 21-го июня нашего стиля, а сегодня 29 июля, у меня закончена первая часть «Обломова», написана вся вторая часть и довольно много третьей, так что уже лес редет, и я вижу вдаль... конец».

В другом письме: «Ежедневно по возвращении с утренней прогулки, то есть с 10 часов до трех, я не встаю со стула, сижу и пишу... почти до обморока. Встаю из-за работы бледный, едва от усталости шевелю рукой...».

Исследователь творчества Гончарова Ю. Лошиц, сопоставив все данные, подсчитал, что Гончаров, работая 10 часов в день, писал, говоря современным языком, от 14 до 16 машинописных страниц. Писал, словно записывал. Сам он рассказывал: «Я писал как будто по диктовке. И, право, многое явилось бессознательно; подле меня кто-то невидимо сидел и говорил мне, что писать».

Конечно, «мариенбадское чудо» — не исключение, оно имеет аналоги в литературе. Достаточно вспомнить знаменитые болдинские осени Пушкина. Гончаров же вообще долго вынашивал произведения. И вот когда все до мельчайших подробностей прояснялось — тогда-то и происходил творческий взрыв.

Уже первые читатели «Обломова» (а это были В. Боткин, А. Фет, И. Тургенев) сразу поняли, что «золотое перо» Гончарова создало вещь капитальную. Это определение прочно приросло к Обломову. Пророчески прозвучала оценка Тургенева: пока останется хоть один русский, до тех пор будут помнить «Обломова».

Но сам автор не сразу осознал, что вылилось из-под его пера. То ему кажется, что роман «холоден, вял и сильно отзывается задачей», то его берут сомнения, что «герой неполон». Работа над романом продолжается и по возвращении в Петербург. Он читает роман столичному кругу друзей. Между октябрём и ноябрём 1857 года Л. Толстой сообщает В. Боткину и И. Тургеневу, что Гончаров потихоньку приглашает избранных послушать его роман. Это была его привычная манера работы: читая, он слушал, вслушивался, чтобы потом отсекал лишнее, шлифовал, отделял. Коллега Гончарова по цензурному комитету А. Никитенко записал в дневнике о новом произведении: «...кроме неоспоримого таланта, поэтического одушевления, много ума и тщательной, умной обработки. Оно совершенно другого направления, чем все нынешние романы и повести». Чуткое ухо человека, профессионально много читавшего, уловило новизну романа Гончарова, особое качество его реализма, поразительную способность художника в простом бытовом сюжете сконцентрировать столько жизни и ее проблем, создать человеческие типы такого масштаба, что они и сегодня — часть нашей души, как бы данная нам от рождения. Насыщенность гончаровской прозы отметил еще Белинский, говоривший писателю, что в его романах есть эпизоды, которых каждого хватило бы другому на целое полотно.

Гончаров был младшим современником Гоголя «Обыкновенная история» появилась через пять лет после «Мертвых душ», «Обломов» — когда из недр гоголевской школы все своенравнее высвобождалась и вырастала будущая гигантская фигура Достоевского а Толстой и Тургенев работали уже в полную силу своих многогранных талантов, создавая в русской литературе новое направление социально-психологического, нравственно-философского реализма. Но у Гончарова была своя стезя. По точному замечанию одного из критиков, Гончаров разрабатывал в литературе линию, начатую Пушкиным в «Повестях Белкина». У другого критика эта мысль развита более подробно. Он говорит, что по изумительной трезвости взгляда на мир Гончаров приближается к одному лишь Пушкину. «Тургенев опьянен красотой, Достоевский — страданиями людей, Лев Толстой — жаждой истины». И потому они «созерцают жизнь с особенной точки зрения» и действительность в их произведениях «немного искажается, как очертания предметов на взволнованной поверхности воды».

«У Гончарова нет опьянения. В его душе жизнь рисуется невозмутимо ясно, как мельчайшие былинки и далекие звезды отражаются в ясном глубоком роднике, защищенном от ветра. Трезвость, простота и здоровье могучего таланта имеет в себе что-то обаятельное, освежающее...».

Любопытно, что уже в первом читательском отзыве на роман, датированном 6 апреля 1859 и помещенном в «Отечественных записках», есть замечательное понимание главного образа романа. «Обломов многим брат, — пишет читатель из Симбирска, — и многим обща судьба его. Мы уверены, что многим внутренний голос не раз шепнет: Обломов, Обломов ты... Это живой тип <...> над которым задумаешься, но которому симпатизируешь: подосадуешь на него, но не бросишь камня... Обломовцы встречаются везде...».

В январе 1859 года вышел из печати первый номер «Отечественных записок» с началом романа. В апреле публикация была завершена. Все бросились читать новый роман Гончарова. «Обломов» победоносно овладел общим вниманием. «Обломов» и «обломовщина» — эти два слова недаром облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи, — писала «Библиотека для чтения».

Первым серьезным критическим откликом на роман была статья Добролюбова, опубликованная в майской книжке «Современника». Великий критик дал блестящий анализ социальной сути обломовщины, полно и широко разобрал роман, умело «наложив» его ситуацию на проблемы общественной жизни того времени. Гончаров писал своему другу и давнему корреспонденту И. Лиховскому: «Добролюбов написал в «Современнике» отличную статью, где очень полно и широко разобрал обломовщину...». Либеральная критика (Дружинин) увидела в Обломове чуть не былинного героя, спящего до времени Илью Муромца, а Обломовке — утраченный патриархальный рай. И основания для такого утверждения тоже были в романе.

Сошлись критики, и то не все, в доброжелательной оценке женских образов. Что же касается А. Григорьева, то он опять допустил в отношении «Обломова» ту же ошибку, что и в случае с «Обыкновенной историей»: увидел в Штольце гончаровский идеал современного деятельного человека, не заметив иронии Гончарова по отношению к этому своеобразному и отнюдь не однозначному герою, при всех своих добродетелях не случайно оказывающемуся все-таки всегда именно там, где маячит выгода.

Крайние точки зрения, резко противоположные оценки героев романа сопутствовали «Обломову» на протяжении всей истории его восприятия. Ни в один «ведомственный» мундир критики не уместилось и не могло уместиться богатство романа, как не может уместиться в нем сама жизнь. Как и в «Горе от ума», живая сложность, неоднозначность романа позволяли каждому поколению читателей видеть в них то, что было созвучно времени, потребностям дня. Но, безусловно, осталась навсегда оценка Л. Толстого: ««Обломов» — капитальнейшая вещь, какой давно не было. Скажи Гончарову, что я в восторге от «Обломова» и перечитываю его еще раз. Но что приятнее будет ему — это,

что «Обломов» имеет успех капитальный, не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике». Прибавим к этому оценку И. Анненского: «В Обломове поэт открыл нам свою связь с родиной и со вчерашним днем, здесь грезы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и поэзия и проза жизни; здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах». Наибольшие споры вызвал образ Ильи Ильича Обломова. Будь он лентяй и лежебока — и только, было бы просто судить о нем. Но ведь он бездеятелен и потому, что не видит возможности осуществить свои человеческие ценности. А то, ради чего вокруг нею снуют другие герои романа — карьера, успех в обществе, нажива, — его не волнует, он просто выпадает из течения жизни, и «никто и ничто не вырвет его из угла...». Многие черты характера Обломова не могут не вызвать глубокого сочувствия. Нравственная чистота, порядочность, ум, «отсутствие в нем самодовольства, этого главного признака пошлости». И как ни странно это на первый взгляд, нравственные качества личности Обломова, его безупречная совесть отзываются в читателе его же, обломовским вопросом о смысле человеческой деятельности.

Но, с другой стороны, не может удовлетворить нас пассивная позиция героя. Поэтому-то Обломов и обломовщина и приобрели значение символическое — как воплощение косности, безволия, боязни нового, неспособности к делу.

«Обломов» был вершиной творчества Гончарова. Созданный им национальный тип сам стал частью народной жизни. А впереди высилась уже глыба нового романа — «Обрыв».

Замысел его был грандиозен. Гончаров писал С. Никитенко в 1866: «Скажу Вам наконец вот что, чего никому не говорил: с той самой минуты, когда я начал писать для печати... у меня был один артистический идеал: это изображение честной, доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося и наконец окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие — от сознания слабости своей и чужой, т. е. вообще человеческой натуры. Та же была идея у меня, когда я задумывал Райского...».

Роман был задуман почти за двадцать лет до того, как Гончаров приступил к окончательной работе над ним. Работа шла постоянно — отрывки печатались в журналах, читались друзьям. Теперь, после окончания «Обломова», у Гончарова появилась наконец возможность целиком переключиться на «Обрыв», на это, как опасался сам писатель, «переношенное» дитя. Но роман шел туго. Минуты творческого подъема сменялись неделями хандры. Причины, видимо, были разные. Непростым было, во-первых, общественное положение замечательного русского писателя. Он вынужден был служить, так как от своей доли наследства отказался в пользу сестер. Вернувшись из кругосветного путешествия, Гончаров дал согласие служить в цензурном ведомстве. Этот шаг вызвал осуждение даже некоторых близких людей, ибо фигура цензора никогда не пользовалась симпатией в русской публике. И хотя цензорами были, например, поэты Полонский и Тютчев и хотя в своей цензурской деятельности Гончаров сделал немало доброго (для издания собрания сочинений Пушкина, издания некоторых комедий Островского, рассказов Тургенева, пьесы Писемского «Горькая судьбина» и т. д. и т. п.), но все же не могло не возникнуть и некоторого отчуждения между ним и его собратьями-литераторами. Он был государственным чиновником, поставленным над ними. Кроме того, в последние годы своей деятельности в цензурном комитете Гончаров давал некоторые поводы для критики. Гончаров был беззаветным поклонником красоты искусства, он мог бы с полным убеждением повторить знаменитые слова Достоевского о том, что «красота спасет мир». И он считал, что революционно-демократическая критика 1860-х годов слишком утилитарна, что она игнорирует в искусстве главное его призвание — служение прекрасному. Яркому представителю этого направления — Писареву он не мог к тому же простить «ниспровержения» Пушкина. Разными были и общественные идеалы революционеров-демократов 1860-х и Гончарова. Все это

определило достаточно сложные отношения писателя и молодого поколения критиков, а в атмосфере наступающей в России общественной реакции заключения Гончарова-цензора, в частности на ряд статей писаревского «Русского слова» предопределили решение о закрытии этого журнала. Именно в это время меняется постепенно в ходе работы и образ Марка Волохова, более критическим становится отношение автора к этому герою.

Причина угнетенного состояния писателя была и в его ссоре с Тургеневым. Произошла она из-за того, что Гончаров увидел в романе «Дворянское гнездо», а потом и в других произведениях Тургенева заимствования из «Обрыва». Основания для беспокойства у Гончарова были, и Тургенев впоследствии сам отказался от нескольких сцен в «Дворянском гнезде», прямо сопоставимых с «Обрывом». Но, конечно, о литературном плагиате и речи здесь быть не могло. Скорее всего, отрывки из «Обрыва», читанные Гончаровым Тургеневу, запали последнему в память и по-своему преломились в художественном сознании Тургенева. Третейский суд писателей пытался примирить Гончарова и Тургенева, и формально это примирение состоялось. Но ссора стала широко известна в литературных кругах, появились пародии, сатирические стихи, в том числе Д. Минаева — довольно злые. Правда, посылая эти стихи сестрам Никитенко, Гончаров писал: «Они очень забавны, и я <...> думал, что вы рассмеетесь вместе со мною...». Но всю эту историю он тяжело переживал, вина Тургенева в предательстве. У Гончарова развилась мнительность, его образ жизни стал более замкнутым.

Кроме того, массу времени съедала служба. Все это не давало душе той необходимой уравновешенности, которая нужна для творчества. Вот почему, видимо, Гончаров не раз намеревался забросить роман. Но слишком много дорогих ему мыслей и образов было в него уже вложено. Слишком много отдано жизни и трудов. И Гончаров продолжает нести тяжелую ношу романа. Мариенбад, Париж, Киссинген — он ездит за границу несколько лет подряд, ища вдохновения, ища просто спокойного места, чтобы можно было завершить свой становящийся непосильным труд.

Наконец, в 1867 «Обрыв» был практически завершен, а с января 1869 его начали публиковать в «Вестнике Европы». Редактор журнала М. Стасюлевич свидетельствовал: «О романе Ивана Александровича ходят самые разноречивые слухи; но все же его читают, и много читают. Во всяком случае, только им можно объяснить страшный успех журнала: в прошедшем году, за весь год, у меня набралось 3700 подписчиков, а нынче, 15 апреля, я переступил геркулесовы журнальные столпы, т. е. 5000, а к первому мая имел 5700...».

Читатели с интересом встретили новый роман Гончарова, но любимое детище писателя появилось в несчастливое для него время, и критика отнеслась к нему недоброжелательно. Острая идейно-эстетическая борьба в русском обществе и литературе обусловила крайность и резкость ее позиций — Гончаров не принадлежал ни к одному стану, и ему досталось ото всех. Более всего — за фигуру Марка Волохова.

Волохов, по словам самого Гончарова, «вышел шитым из двух половинок, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов а другая — позднее, когда стали нарождаться новые люди». К этим новым людям Гончаров и вообще симпатии не испытывал, а в конфликте романа, образе Марка Волохова нашла отзвук и реальная трагедия, происшедшая в дорогой для Гончарова семье Майковых. Екатерина Павловна Майкова, «Старушка», как он любовно называл ее, увлекшись нигилистом Любимовым, ушла из семьи, оставив троих детей. Ее поступок Гончаров тоже приписал разрушительной силе нигилизма. И восстал против этой силы. Правда, позже, отвечая на упреки Екатерины Павловны, Гончаров писал ей об этом образе так. «Вы немножко нападаете на меня за роман, то есть за Марка Волохова... “Это пародия на молодых новых людей” — пишете Вы, и юное поколение их не любит — согласен. Отчего же и не писать пародию, если она попала под руку? Почему я должен писать непременно то или другое, а не то, что пишется? <...> Произведение искусства — не есть ни защитительная, ни обвинительная речь и не математическое доказательство. Оно не обвиняет, не оправдывает и не

доказывает, а изображает...». Гончаров, как видим, снова настаивает, что его «главная и почти единственная цель в романе — есть рисовка жизни, простой, повседневной, как она есть и была». Но, видимо, это было все же не совсем так, и вот это-то и послужило критике поводом для самых резких нападков. Щедрин в своей статье «Уличная философия» обвинил Гончарова в том, что он не понял и оклеветал новых людей, «совершив тем самым неловкий и несвоевременный подвиг». Н. Шелгунов, хлестко назвал свою статью об «Обрыве» «Талантливая бесталанность» и в крайнем раздражении отказал Гончарову даже в художественности. Правда, и он признавал успех романа в публике: «значительное большинство читало “Обрыв” и продолжает его читать».

Идейные противники Гончарова не захотели увидеть в романе никаких достоинств. Но и некоторые братья-писатели не нашли добрых слов для «Обрыва». Неодобрительно отозвались о нем Тургенев и Достоевский. Но А.К. Толстой, который слушал роман и до публикации, писал по поводу одной из статей, в которой Марк Волохов рассматривался как карикатура на новых людей. «Отчего люди нового поколения начинают кричать: пожар! как скоро выводится на сцену какой-нибудь мерзавец? Ведь это называется на воре шапка горит!»

Гончаров был подавлен, он писал С.А. Никитенко: «Я стараюсь забыть об “Обрыве” и в этом следую общему примеру». Но он не мог забыть о столь дорогом ему и так тяжело доставшемся «переношенном» детище, которое отняло столько сил и чуть не убило своего творца. В статье «Лучше поздно, чем никогда» писатель вновь возвращается к проблемам романа, толкует его образы, разъясняет свой замысел. Время внесло свои коррективы, и за прошедшие сто лет многие поколения читателей сумели по достоинству оценить великолепную прозу «Обрыва», насладиться достоверностью и широтой описания в нем русской жизни, живым русским языком, той высокой нравственной атмосферой романа, которую прекрасно выразил Гончаров в одном из писем: «У меня *мечты, желания, молитвы Райского* кончаются, как торжественным аккордом в музыке, апофеозом женщин, потом России, наконец, Божества и Любви...». Ю. Лошиц отметил новизну образа Райского, темы Художника: «Кажется, никто из современников Гончарова, русских и зарубежных писателей, и никто из его предшественников в искусстве новоевропейского романа, — пишет критик, — еще не присматривался в художественном произведении так пристально и подробно, так заинтересованно — и тут же — беспристрастно к личности творческого человека. К житейскому поведению художника. К его моральному статусу».

За десятилетия, прошедшие со дня публикации «Обрыва», любимые герои Гончарова шагнули на экраны кино и телевидения, на театральные сцены, покоряя все новые поколения читателей и зрителей подлинностью чувств, непреходящей красотой своего душевного мира, и более всего — своей любовью к родине.

«Обрыв» был последним романом Гончарова. Творческое напряжение всех душевных сил, которого он потребовал, несправедливая оценка критики — все это повлияло на писателя. Он больше не брался за большие полотна. Но еще оставалось почти два десятка лет жизни. И они не были бесплодными: очерки «Слуги старого века», «На родине», «В университете», замечательные по точности анализа и глубине мысли литературно-критические статьи, очерк о Белинском. Кроме того, были написаны «Литературный вечер», «Необыкновенная история» и еще ряд произведений.

Иван Александрович Гончаров в эти годы был полон и чисто житейских забот — он взял на себя труд воспитания троих детей своего камердинера, умершего от туберкулеза. Может быть, помнил он из своего детства доброту незабвенного Трегубова, и так отдавал свой долг, долг любви и доброты. Он печется об их образовании, вывозит на дачу, завещает им свое состояние.

Умер Иван Александрович на восьмидесятом году жизни, не перенеся воспаления легких.

Имя Ивана Александровича Гончарова, бессмертные его творения навсегда останутся живой плотью русской культуры, ее гордостью, ее историей.